

логией Хайдеггера³, и те обвинения Р.Карнапа в адрес некоторых рассуждений М.Хайдеггера, которые он приводил в качестве примера бессмысленных предложений. В этих инвективах Карнапа выразилось и разное понимание философии, которую он редуцировал к синтаксической аналитике пропозиций, в отличие от Хайдеггера, для которого проблема бытия составляет средоточие философии.

Вторая философская задача, которая обсуждается в данном сборнике, состоит в том, чтобы понять то, как происходит переход от методологии к онтологии. В статьях сборника предложены разные авторские версии этого перехода. Для Ф.Н.Блюхера способом перехода от методологии к онтологии является конструирование социально-экономической реальности. Такого рода переход достаточно обстоятельно проанализирован в т.н. социальном конструктивизме, для которого и методы, и предметная область научной теории конструктивно полагаются и определяются. Коллектив авторов из Института электрификации сельского хозяйства (ГНУ ВИЭСХ) (Д.Н.Стребков, И.И.Свенцицкий и др.) отстаивает идею «оборачивания метода» как того способа, которым методология получает свое обоснование и свою универсализацию. Для О.Аронсона переход от методологии к онтологии осмысливается в терминах процедуры «деконструкции», которая связана с постмодернистским прочтением фундаментальной онтологии Хайдеггера и его центральной процедуры «деструкции метафизики». Сомневаясь в возможности приложения «деконструкции» к анализу математики, Аронсон апеллирует к одной из программ обоснования математики – к формалистской программе Д.Гильберта, проводя мысль о том, что математические формализмы, благодаря которым математика предстает как язык науки, не могут быть подвержены декон-

³ Все онтологические исследования Н.Гартмана – от книги «К основоположению онтологии» (1938) до «Структуры реального мира» (1940) и «Философии природы» (1950) полемически заострены как против неокантианского методологизма и гносеологизма, так и против онтологии Хайдеггера. Во Введении к первой книге он писал: «Общепринятая в главных систематических трудах XIX в. схема, в соответствии с которой методологический разбор предпосылался всему остальному, в изменившейся проблемной ситуации оказалась неосуществимой: осмысленным образом метод может быть выявлен лишь там, где мышление проделало свой опыт в сфере содержательно-предметного и освоилось в ней. Иначе всякая рефлексия о методе остается абстрактной» (Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб., 2003. С. 75).

трукции и обоснованы онтологически, т.е. с помощью выявления предметных областей математики. Если математика ограничена замкнутым синтаксисом и замкнутой семантикой и развертывается в сугубо формализованных системах, то как она может прорваться к реальности – будь то к реальности естественного языка или к реальности построенных моделей? И здесь позиция других авторов сборника – К.А.Павлова, показывающего различия в трактовках математической логики и недостаточность ее формалистического истолкования, и О.И.Генисаретского, апеллирующего к когнитивной семантике, мне кажется более перспективной. Этот же ход мыслей отстаивается и в переводе глав из новой книги Р.Хофштадтера и его сотрудников, проанализировавших гораздо большее богатство естественного языка по сравнению с теми моделями «искусственного интеллекта», которые построены на базе машины Тьюринга.

Надо сказать, что и философия в XX в. не ограничилась определением себя как методологии и тяготела к онтологии. Так, неокантианство от методологии обратилось к онтологии ценностей, а ряд ее защитников (например, Г.Риккерт) в конечном счете на базе аксиологии построили новые варианты метафизики – метафизики ценностного бытия. Этому кругу проблем посвящены статьи второго раздела сборника.

А.П.Огурцов

РАЗДЕЛ I. МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ И ФОРМЫ ПЕРЕХОДА К ОНТОЛОГИИ

В.М. Розин

Конституирование и обоснование философско-методологических систем

В ряде своих работ Г.П.Щедровицкий ясно осознает, что онтологические представления об изучаемых объектах он порождает сам, приписывая этим объектам на методологических схемах определенные характеристики. При этом чуть ли не главную роль в этой процедуре, считает Щедровицкий, играют средства метода (включая его «испорченность»).

«Эта конструкция, – пишет Г.Щедровицкий, – вводимая исследователем-логиком для объяснения процессов познания (речь в статье идет о познании человека. – *В.Р.*), обобщает и синтезирует множество познавательных актов, проведенных разными исследователями на различном эмпирическом материале, и в его предмете выступает в роли формального эквивалента того видения объекта изучения, которое у исследователей, работу которых он описывает, существовало в виде особого *содержания сознания* и определялось всем строением используемой ими “машины” (хотя в первую очередь – имеющимися в ней средствами). После того как онтологическая картина построена, исследователь-логик в своем анализе и изложении материала делает трюк, известный под именем *схемы двойного знания*: он утверждает, что настоящий объект изучения был именно таким, каким он представлен в онтологической схеме, и после этого начинает относиться к ней и оценивать относительно нее все, что реально существовало в познавательных ситуациях...

Особое место среди всех возникающих здесь методологических проблем занимают проблемы *определения границ* предмета изучения и включенного в него идеального объекта. Они содержат два аспекта: 1) определение структурных границ объекта на самой графически представленной

схеме и 2) задание того набора свойств, который превращает эту схему в форму выражения идеального объекта и конституирует ту действительность изучения, законы которой мы ищем»¹.

«Объект как особая организованность, – пишет Щедровицкий в другой работе, – задаются и определяются не только и даже не столько материалом природы и мира, сколько средствами и методами нашего мышления и нашей деятельности»².

«Осуществляется полный отказ от описания внешнего объекта. На передний план выходит рефлексия, а смысл идеи состоит в том, чтобы деятельно творить новый мыследеятельный мир и вовремя его фиксировать, – и это для того, чтобы снова творить и снова отражать, и чтобы снова более точно творить. Поэтому фактически идет не изучение внешнего объекта, а непрерывный анализ и осознание опыта своей работы»³.

«Система методологической работы создается для того, чтобы развивать все совокупное мышление и совокупную деятельность человечества... напряжение, разрыв или проблема в мыследеятельности не определяют еще однозначно задачу мыследеятельности; во многом задача определяется используемыми нами средствами, а средства есть результат нашей “испорченности”, нашего индивидуального вклада в историю, и именно они определяют, каким образом и за счет каких конструкций будет преодолен и снят тот или иной набор затруднений, разрывов и проблем в деятельности»⁴.

Итак, источником построения методологических схем, на основе которых строятся онтологические представления, утверждает Щедровицкий, является не внешняя реальность, а филиация его собственных представлений или, как он пишет, «средств».

Однако Щедровицкий понимает, что претензии на познание предполагают специальные процедуры, позволяющие утверждать, что построенные методологические схемы являются не просто игрой ума методолога, а именно моделями и знаниями в отношении действительности.

¹ Щедровицкий Г.П. «Человек» как предмет исследования // Щедровицкий Г.П. Избр. тр. М., 1995. С. 371–372, 376.

² Щедровицкий Г.П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системнодеятельностного подходов // Щедровицкий Г.П. Избр. тр. С. 154.

³ Щедровицкий Г.П. Методологическая организация сферы психологии // Вопр. методологии. 1997. № 1–2. С. 124.

⁴ Щедровицкий Г.П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Там же. С. 112.

«Называя деятельность системой и полиструктурой, – пишет Щедровицкий, – мы стремимся задать “категориальное лицо” научных предметов, в которых она, по предположению, может быть схвачена и адекватно описана. Это определение, следовательно, нельзя понимать непосредственно объектно: говоря, что деятельность есть система, мы характеризуем в первую очередь *наши собственные способы анализа и изображения деятельности*, но при этом хотим, чтобы они соответствовали изучаемому объекту, но опосредованно – через *научный предмет*»⁵.

Как можно здесь понять фразу – «но опосредованно – через научный предмет»? Да, деятельность – это в первую очередь собственные способы работы Щедровицкого, но нужно, чтобы они соответствовали изучаемому объекту. Выход указал еще Маркс, утверждая, что его прогноз о смене капиталистической формации на социалистическую построен со всей строгостью точной науки, что за ним стоит закон исторического развития общества. Сходно мыслит и Щедровицкий: чтобы наши собственные способы анализа и изображения изучаемого объекта были ему адекватны, говорит он, нужно эти способы подчинить норме научной деятельности (которую Щедровицкий называет “научным предметом”, содержащим такие эпистемологические единицы как “проблемы”, “задачи”, “онтология”, “модели”, “факты”, “знания”, “методики”, “средства выражения”⁶). Щедровицкий уверен, что эта норма схватывает сущность изучаемого объекта, законы его формирования.

А если это не так? Кстати, опыт Маркса, да и самого Щедровицкого, конкретные методологические программы которого (в семиотике, педагогике, дизайне, психологии) оказались неудачными и не были приняты учеными, показал, что выявить нужные законы не так-то просто. Кроме того, даже если такие законы выявлены, не факт, что они будут действовать в условиях современности.

Таким образом, первый аргумент в обосновании методологической работы таков: она строится (должна строиться) на основе подлинного понимания научной деятельности, на основе законов явления, выявленных в ходе правильного научного познания. Но как быть, если оппоненты сомневаются, что Щедровицкий реали-

⁵ Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Щедровицкий Г.П. Избр. тр. С. 245.

⁶ Там же. С. 246.

зует подлинное и наиболее современное научное мышление? Тогда предлагается второй аргумент – методология в лице Щедровицкого вошла в прямой контакт с мышлением.

«Итак, – говорил Щедровицкий, полемизируя с Сагатовским, – основная проблема, которая встала тогда, в 50-е гг. – звучит она очень абстрактно, я бы даже сказал схоластически, не боюсь этого слова, – это проблема: так где же существует человек? Является ли он автономной целостностью или он только частица внутри массы, движущаяся по законам этой массы? Это одна форма этого вопроса. Другая – творчество. Принадлежит ли оно индивиду или оно принадлежит функциональному месту в человеческой организации и структуре? Я на этот вопрос отвечаю очень жестко: конечно, не индивиду, а функциональному месту! Утверждается простая вещь: есть некоторая культура, совокупность знаний, которые транслируются из поколения в поколение, а потом рождается – ортогонально ко всему этому – человек, и либо его соединят с этим самым духом, сделают дух доступным, либо не соединят»⁷.

В одном из последних интервью Щедровицкого мы читаем: «Со всех сторон я слышу: человек!.. личность!.. Вранье все это: я – сосуд с живущим, саморазвивающимся мышлением, я есть мыслящее мышление, его гипостаза и материализация, организм мысли. И ничего больше... Я все время подразумеваю одно: я есть кнехт, слуга своего мышления, а дальше есть действия мышления, моего и других, которые, в частности, общаются. В какой-то момент – мне было тогда лет двадцать – я ощутил удивительное превращение, случившееся со мной: понял, что на меня село мышление и что это есть моя ценность и моя как человека суть... Все наше поведение – это лишь отражение и пропечатка мощи нами используемых социокультурных форм, *но никак не творение индивидуального ума. И* в этом смысле я говорю: игра – играет, а мышление – мыслит»⁸.

Получается, что мыслит, действует и общается не Щедровицкий, а его и другие мышления. Сам же Щедровицкий – только «гипостаза и материализация, организм мысли». Стоит обратить внимание на то, что «сесть на человека» мышление может лишь при определенных условиях, и Щедровицкий их четко фиксирует: это марксистская концепция формирования человека, предполагающая усвоение им средств, выработанных культурой и социумом. В этом

⁷ Щедровицкий Г.П. Сладкая диктатура мысли. // Вопросы методологии. 1994. № 1–2. С. 56–57.

⁸ Щедровицкий Л.П. А был ли ММК? // Вопр. методологии. 1997. № 1–2. С. 9, 12.

случае человек, присвоивший себе в ходе образования часть социокультурных форм, именно своей активностью и деятельностью может продолжить их жизнь и даже создавать новые социокультурные формы.

В этом ключе можно, например, понять двоякую трактовку Щедровицким рефлексии. С одной стороны, рефлексия – это рефлексия методолога, за счет творчества которого происходит развитие деятельности, с другой – это развитие самой деятельности, появление в ней новых форм кооперации и новых организованностей. Вспомним: «на передний план выходит рефлексия, а смысл идеи состоит в том, чтобы деятельно творить новый мыследеятельный мир и вовремя его фиксировать...». Одновременно оказывается, что рефлексия – это не только и не столько осознание своей деятельности человеком, сколько кооперация в деятельности и создание обеспечивающей ее организованности материала (практической, методической, инженерной, научной и прочее).

«Отношение рефлексивного поглощения, выступающее как статический эквивалент рефлексивного выхода, позволяет нам отказаться от принципа “изолированного всеобщего индивида” и рассматривать рефлексивное отношение непосредственно как вид кооперации между разными индивидами и, соответственно, как вид кооперации между разными деятельностями. Теперь суть рефлексивного отношения уже не в том, что тот или иной индивид выходит “из себя” и “за себя”, а в том, что развивается деятельность, создавая все более сложные кооперативные структуры, основанные на принципе рефлексивного поглощения»⁹.

Понятно, что упрямый оппонент может продолжать сомневаться и не поверить, что Щедровицкий избран мышлением в качестве мессии, знаменующего приход нового мышления. Тогда появляется третий аргумент, который можно назвать социологическим: Щедровицкий постоянно подчеркивал, что за ним стоит школа (ММК), что его исследования опираются на работы участников этой школы (Н.Г.Алексеева, И.С.Ладенко, В.А.Левефра, Б.В.Сазонова, О.И.Генисаретского, В.Я.Дубровского, В.М.Розина, А.С.Москаевой, Н.И.Непомнящей, Н.С.Пантиной, А.А.Пископеля, А.Г.Раппапорта, Б.Г.Юдина и других).

⁹ Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности. С. 276.

Создание организационно-деятельностных игр (ОДИ), которые рассматривались как полноценная методологическая практика, поскольку в ней методологи получали в свое распоряжение (во власть), правда, только на период игры, специалистов-предметников и могли им предписывать, как мыслить и действовать, можно считать еще одним добавочным аргументом в обосновании методологических построений¹⁰. Щедровицкий, настаивая на эффективности ОДИ, как бы хочет сказать: «смотрите, летает» (подобно тому, как, в конце концов, самолет или ракета, созданные на основе законов физики, полетели). Но летает или нет, это не так-то просто понять. Дело в том, что участники игр Щедровицкого, вроде бы успешно «перекованные» во время игры, выходя из нее и попадая в свои старые рабочие «места», оказывались или бессильными реализовать полученные принципы методологии или вовсе не способны продолжать свою прежнюю работу (некоторые даже меняли профессию).

Традиционно мыслящий философ может задать законный вопрос, почему автор, рассматривая аргументы Щедровицкого, не начал с самого основного – требований (правил и категорий) логики, ведь именно они задают правильность мышления и всех онтологических построений. Кто знаком с историей Московского методологического кружка, знает, что Щедровицкий со товарищи начинали с критики и отрицания формальной логики, собираясь вместо нее построить новое логическое счисление на основе изучения законов развития научного мышления. Обсуждая в программной статье «О различии понятий “формальной” и “содержательной” логик» возможные результаты изучения мышления, Щедровицкий пишет:

«Итоги этого этапа исследования: а) алфавит операций мышления, б) ряд относительно замкнутых однородных систем знаковой формы, объединяемых в формальные исчисления (что эквивалентно логическим правилам. – *В.Р.*), в) знание о составе и принципах организации множества научных рассуждений (этот шаг представляет собой реализацию идеи построения логики науки. – *В.Р.*). Все эти разнородные элементы должны быть теперь объединены и сведены в одну “историческую теорию” мышления как такового... разработанная в этом направлении “содержательная

¹⁰ Щедровицкий Г.П. Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности // Щедровицкий Г.П. Избр. тр.

логика” сможет стать теоретическим основанием “логики науки”, позволит выработать новые высокоэффективные методы обучения и сделает возможным инженерное моделирование мышления»¹¹.

Выступая против формальной логики, Щедровицкий видел преимущество и даже пафос содержательно-генетической логики в *деятельностной ее трактовке*, позволяющей по-новому анализировать форму и содержание знания (они сводились к объектам и операциям), а также – в *семиотической трактовке* мышления. В соответствии с последней мышление понималось как деятельность со знаками, позволяющая схватывать результаты сопоставления объектов знания с эталонами (так определялось содержание знания) в определенной форме (знаковой) и затем действовать с этой формой уже как с целостным самостоятельным объектом.

Но на следующем этапе, начиная с середины 1960-х гг., задача построения науки о мышлении Щедровицким на время отставляется в сторону и ставится новая – построения «теории деятельности». При этом казалось, что поскольку мышление – это один из видов деятельности, то создание такой теории автоматически позволит описать и законы мышления. Здесь Щедровицкий понял, что ему нужен какой-то язык и правила для анализа деятельности. Понял, в частности, потому, что уже не было коллектива равных ему участников, которые на первом этапе становления ММК *в процессе самой работы, обсуждений и диалога задавали «логику»*, и потому, что установка на построение логики была еще достаточно сильна. Размышляя о том, как построить модель человека для педагогики, Щедровицкий, например, пишет следующее.

«Педагогика требует такого научного знания о человеке, которое бы объединяло все три описанных выше представления о человеке, синтезировало бы их в одном многостороннем и конкретном теоретическом знании... Но сегодня теоретическое движение не может ее разрешить, ибо нет необходимых для этого средств и методов анализа. Задачу приходится решать сначала на методологическом уровне, вырабатывая средства для последующего теоретического движения, в частности на уровне методологии системно-структурного исследования»¹².

¹¹ Щедровицкий Г.П. О различии исходных понятий «формальной» и «содержательной» логик // Щедровицкий Г.П. Избр. тр. С. 44, 49.

¹² Щедровицкий Г. «Человек» как предмет исследования. С. 370.

То есть таким языком и правилами, по мнению Щедровицкого, является язык системного подхода. Категории системы, утверждает Щедровицкий, «определяют методы изучения как деятельности вообще, так и любых конкретных видов деятельности»¹³. Анализ работы «Человек» как предмет исследования» и ряда других показывает, что принципы системного подхода и системные представления для Щедровицкого в этот период заменяют логику.

«Каждая из этих схем (речь идет о схемах, по которым строятся в науке модели “человека”. – *В.Р.*) требует для своего развертывания особого методического аппарата системно-структурного анализа. Различие между ними распространяется буквально на все – на принципы анализа и обработки эмпирических данных. На порядок рассмотрения частей моделей и относящихся к ним свойств, на схемы конструирования разных “сущностей”, превращающих эти схемы в идеальные объекты, на схемы связи и объединения свойств, относящихся к разным слоям описания объекта»¹⁴.

Другая функция системно-структурного анализа в работах Щедровицкого – обеспечивать синтез и конфигурирование разных предметов знания, разных объектных представлений, что тоже можно отнести к ведению логики, правда, понимаемой широко.

Итак, вместо логики в методологии Щедровицкого выступает системный подход. При этом Щедровицкий отдает себе отчет, что подобно тому, как представители ММК выступили против формальной логики, утверждая, что она не описывает современное мышление, подобное же, по сути, возражение может быть выдвинуто против системного подхода. Поэтому Щедровицкий предпринимает радикальный шаг, он утверждает, что системный подход нужно построить заново в рамках самой методологии.

«Главная идея нашего предложения состоит в том, чтобы объединить разработку системного подхода с разработкой новых приемов и способов мышления, которые мы называем “методологическими”... специфика системного подхода может быть определена только при описании структуры и форм организации методологической работы, ибо, по нашему убеждению, системный подход существует только как подразделение и особая организованность методологи и методологического подхода»¹⁵.

¹³ Щедровицкий Г. Исходные представления теории деятельности. С. 242.

¹⁴ Щедровицкий Г. «Человек» как предмет исследования. С. 376.

¹⁵ Щедровицкий Г.П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок. С. 94, 101–102.